

Профессоръ Василій Θεодоровичъ Пѣвницкій, какъ гомилетъ.

I.

Среди русскихъ богослововъ-гомилетовъ почившій въ 12 день іюля сего года профессоръ В. Θ. Пѣвницкій занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. По своимъ возрѣніямъ на церковную проповѣдь и пониманію основныхъ задачъ духовнаго краснорѣчія онъ является представителемъ того гомилетическаго направленія, которое можетъ быть названо историческимъ и которое, постепенно дискредитировавъ классическую систему Я. К. Амфиатрова, способствовало освобожденію русской гомилетики отъ путъ старой, схоластической реторики. Выступивши на защиту историческаго метода въ дѣлѣ разработки гомилетической науки и изученія проповѣднической письменности прошедшихъ временъ еще въ началѣ своей профессорской и ученой дѣятельности, В. Θ. Пѣвницкій въ теченіе полустолѣтія оставался вѣрнымъ этому методу и длиннымъ рядомъ талантливо написанныхъ гомилетическихъ очерковъ и изслѣдованій по исторіи проповѣди блестяще доказалъ его научную плодотворность.

Въ чемъ же состоитъ сущность историческаго метода въ примѣненіи его къ разработкѣ гомилетическихъ вопросовъ?

Положеніе гомилетики, какъ особой богословской науки, и въ настоящее время не можетъ считаться достаточно прочнымъ. Сомнѣніи въ правѣ ея на отдѣльное существованіе въ циклѣ богословскихъ дисциплинъ еще очень сильны даже среди лицъ, близко стоящихъ къ богословскому знанію. Доказательство этого можно видѣть хотя бы въ тѣхъ колебаніяхъ по отношенію къ гомилетикѣ, какія такъ бро-

саются въ глаза при сравненіи Уставовъ нашихъ духовныхъ академій 1884 и 1910 гг., а также Высочайше одобренныхъ въ 29 день Іюля сего года измѣненн въ дѣйствующемъ Уставѣ послѣдняго, 1910, года. Въ шестидесятыхъ же годахъ, предъ реформою духовно-учебныхъ заведеній 1869 г., позіція гомилетики казалась еще болѣе шаткой и неопредѣленной. В. О. Пѣвницкій, тогда еще молодой профессоръ церковнаго краснорѣчія, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Въ какомъ видѣ можетъ и должна быть поставлена кафедра гомилетики“¹⁾ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „при настоящемъ порядкѣ вещей, когда замышляютъ объ исправленіи учебной части въ семинаріяхъ, одна гомилетика изъ всѣхъ богословскихъ наукъ подвергалась нерѣшительнымъ отзывамъ, вызвала о себѣ споры, и многіе не знали куда ее помѣстить, какъ приурочить къ системѣ богословія. Одни совершенно отрицаютъ ея самостоятельность и, считая недостаточною ея собственную задачу, соединяютъ ее съ пастырскимъ богословіемъ или литургическою и каноническимъ правомъ. Другіе не видятъ въ ней ничего отдѣльнаго отъ общей реторики“.

Поставленный въ необходимость защитить свою кафедру отъ упрековъ въ научной несостоятельности, и доказать ея право на самостоятельное существованіе, В. О. Пѣвницкій смѣло заявляетъ въ только что названной статьѣ, что упреки эти не несправедливы, но только въ отношеніи къ той гомилетикѣ, которая, увлекаясь практическою важностію своего предмета, исключительно занимается составленіемъ правилъ о томъ, какъ нужно проповѣдывать, забывая, что невозможно заключить въ мертвую схему вдохновеніе, внутреннюю силу религіознаго убѣжденія, составляющаго въ дѣлѣ проповѣдничества всерѣшающій законъ,

¹⁾ Труды К. Д. А. 1863, II, 3 4.

ибо „духъ неописуемъ вѣдшимъ формами... Область его безъ предѣла, дѣятельность его безъ закона, подавляющаго оригинальное проявленіе жизни“¹⁾. Отъ гомилетики, желающей быть только „практическимъ руководствомъ къ церковноучительской пасырской дѣятельности“, В. О. Пѣвницкій отличаетъ науку о духовной словесности и требуетъ, чтобы каеэдра гомилетики была замѣнена каеэдрою духовной словесности, и чтобы позволено было на ней разсуждать не объ одномъ проповѣдничествѣ, какъ публичномъ церковномъ ораторствѣ. „Свѣтская литература, говоритъ онъ, слѣдитъ идеалы, какіе возникали изъ глубины народнаго или личнаго художественнаго духа, и въ какихъ выражалась внутренняя жизнь временъ и поколѣній. Метода, какою въ этомъ случаѣ ведутъ дѣло, есть метода историческая, которая въ области словесности нынѣ получила всерѣдшающее и почти исключительное значеніе. Приложиге то же самое къ гомилетикѣ, и она принимаетъ совершенно иной видъ. Пусть наука о церковной или духовной словесности не будетъ сухою теоріею проповѣдническаго дѣла, а смотритъ на свой предметъ, какъ на великую міроисторическую общественную силу, вносящую не малую долю вліянія въ общую лабораторію народной жизни, какъ на выраженіе движеній, волнующихъ религіозно-нравственную атмосферу историческаго лица. Тогда наука о духовной словесности будетъ имѣть многосодержательный предметъ и ученый интересъ“²⁾. Наука эта тогда поставитъ своею задачею раскрывать внутреннюю религіозно-правственную жизнь прошедшихъ временъ и показывать „какія преломленія терпять свѣтъ небесной истины, проникая въ частныя индивидуальныя сознанія,—чѣмъ питался и въ какихъ движеніяхъ мысли и вѣры выражался религіозный умъ массы, какими

¹⁾ Тамъ же, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 40.

средствами и насколько возвышали его просвѣщенные дѣятели религіозно-христіанскаго проповѣдничества, куда направлялась и чѣмъ занималась передовая мысль духовно-религіозныхъ мыслителей, и многое тому подобное“¹⁾.

Такимъ образомъ, В. О. Пѣвницкій рисуетъ очень широкую и заманчивую перспективу для гомилетики, понимаемой имъ въ смыслѣ науки о духовной словесности. Онъ желалъ бы сдѣлать ее частью церковной исторіи, притомъ весьма значительной, и на каѳедрѣ гомилетики предлагать „вмѣсто мертвыхъ правилъ живые образцы, вмѣсто теоріи исторію“.

Конечно, такое пониманіе предмета и задачъ гомилетики не свободно отъ нѣкоторыхъ преувеличеній и неясностей, дающихъ основаніе подозрѣвать, что В. О. Пѣвницкій въ начальную пору своей ученой дѣятельности почти отождествлялъ гомилетику съ исторіей церковной письменности вообще, но для того времени оно было весьма оригинальнымъ, а для дальнѣйшей разработки гомилетическихъ вопросовъ оказалось въ высокой степени плодотворнымъ.

II.

Примѣненіе къ гомилетической наукѣ историческаго метода изслѣдованія, провозглашеннаго В. О. Пѣвницкимъ въ качествѣ единственно возможнаго научнаго приѣма въ данной области, имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ для его научныхъ занятій то, что исторія церковной проповѣди, сравнительно съ теоріей, была выдвинута имъ на первый планъ и на изученіи ея сосредоточилось преимущественное вниманіе его. Этому изученію онъ посвятилъ многіе годы своей жизни и напечаталъ въ академическомъ журналѣ длинный рядъ весьма солидныхъ изслѣдованій о древне-христіанской

Тамъ же, стр. 41.

и русской проповѣди Вотъ переченьъ послѣднихъ: Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей русской духовной литературы въ XVIII в. (1861, 8. 10), Св. Іоаннъ Креститель, какъ проповѣдникъ покаянія (1868, 1), Проповѣди св. Максима Туринскаго (1868, 5 и 6), Образъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ учителя (1868, 9 и 10), Арелатскіе проповѣдники (V—VI вв.)—Иларій и Кесарій (1870, 3 и 6), Св. Левъ Великій и его проповѣди (1871, 3), Проповѣдь въ первенствующей церкви христіанской (1875, 6), Церковная проповѣдь въ вѣкъ мужей апостольскихъ (1876, 2), Слѣды проповѣдничества въ древнѣйшей отеческой письменности (1878, 1 и 3), Оригенъ и его проповѣди (1879, 2, 11; 1880, 3 и 4), Св. Григорій Чудотворецъ, епископъ Неокесарійскій и приписываемыя ему проповѣди (1884, 3), Къ исторіи древней христіанской проповѣди (1890. 7), Порядки и обычаи, соблюдавшіеся при сказываніи проповѣдей въ древней церкви (III—V вв.—1885, 4. 10. 11, 1886, 1 3 и 5), Образованіе отцевъ—проповѣдниковъ IV в. (1892, 9 и 10), Рукописный сборникъ проповѣдей иподіакона Дамаскина Студита (1873, 10). Кромѣ сего, имъ издана отдѣльно ученая диссертация на степень доктора богословія подъ заглавіемъ: Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила (1871).

Въ какомъ же направленіи ведетъ изученіе исторіи церковной проповѣди въ перечисленныхъ трудахъ своихъ почившій нашъ профессоръ В. Θ. Пѣвницкій?

Къ древнехристіанской проповѣди со стороны ученаго изслѣдователя возможно двоякое отношеніе. Эту проповѣдь можно изучать или какъ опредѣленный историческій фактъ, безотносительно къ его цѣнности для рѣшенія разныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ гомилетики, или же ее можно разсматривать съ точки ея пригодности именно для этой цѣли. Въ гомилетической наукѣ не достигнуто соглашенія по этому предмету, но большинство авто-

ритетовъ (напр., Бассерманъ, Лаигей и Герингъ) склоняется ко второй точкѣ зрѣнія В. Θ. Шѣвницкій опредѣленно нигдѣ не ставитъ вопроса о томъ, какъ вести изученіе древне-христіанской проповѣди, но онъ несомнѣнно имѣлъ весьма ясный взглядъ на этотъ вопросъ. Во всѣхъ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ онъ какъ бы намѣренно старается достигать результатовъ, которые такъ или иначе руководствовали бы къ правильному пониманію характера и задачъ церковнаго проповѣдничества вообще, безотносительно къ тому, какія требованія предъявляются къ церковной проповѣди въ то или другое время. „Ревностный проповѣдникъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ¹⁾, желающій свято исполнить высокій долгъ пастырскаго учительства, находитъ для себя много побужденій обращаться мыслью къ дѣятельности великихъ представителей церковнаго учительства и изучать оставленные ими памятники сильнаго и вліятельнаго слова. Эти памятники даютъ ему наглядные уроки и образцы для плодотворнаго дѣйствія въ своей средѣ, и часто, въ особенности въ минуты безпокойства и безплія пролобнаго слова, служатъ ободреніемъ и укрѣпленіемъ ослабѣвающей ревности въ исполненіи святого дѣла“. Конечно, въ данномъ отношеніи не всѣ памятники церковнаго проповѣдничества одинаково богаты указаніями руководственнаго свойства, поэтому и у В. Θ. Шѣвницкаго названная тенденція выступаетъ то менѣе, то болѣе ярко. Исключеніе составляетъ только одна статья: „Образъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ учителя“. Здѣсь, какъ это и естественно, нашъ профессоръ, воспроизводя учительную дѣятельность Спасителя, рисуетъ идеаль проповѣдника для всѣхъ временъ и какъ бы напередъ указываетъ, какія черты проповѣдничества онъ будетъ слѣдить въ

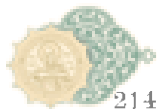
¹⁾ Образъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, какъ учителя, 1868, 9, стр. 314.

дальнѣйшей исторіи церковной проповѣди. „Въ словѣ и дѣятельности божественнаго учителя, верховнаго Начальника и Основателя Церкви, говоритъ онъ,—высокій образецъ, къ которому должны приближаться и которымъ должны повѣряться слово и дѣятельность всѣхъ, призванныхъ къ церковному учительству; здѣсь высшая сила, которая можетъ поддержать и укрѣпить слабыя силы обыкновеннаго учителя при исполненіи имъ своего долга; здѣсь—не только источникъ истины въ ея содержаніи, но и наставительное руководство въ способѣ раскрытія и сообщенія этой истины народу, показывающее, какъ нужно вести дѣло Божіе, дѣло церковно-общественнаго назиданія, для успѣшнѣйшаго достиженія его цѣлей. Поэтому, если мы думаемъ о полной исторіи проповѣдничества, то намъ кажется, что первымъ исходнымъ пунктомъ ея мы должны поставить обзорѣніе учительной практики Первооснователя христіанской проповѣди“¹⁾.

Характеризуя образъ ученія Спасителя, В. О. Пѣвницкій прежде всего указываетъ, на основаніи Евангелія, двѣ общія черты этого образа: во первыхъ, „полноту внутренняго духа, проникнутаго всеобъѣдающею правдою Божіею и умѣющаго прямо представлять предъ глаза человѣка то, что въ ней есть наиболѣе дѣйственнаго“, а во вторыхъ—вѣяніе привлекающей любви, „несказанной симпатіи къ человѣку и человечеству, его нуждамъ, бѣдамъ и страданіямъ“²⁾. Затѣмъ онъ останавливается на выясненіи частныхъ особенностей учительнаго слова Спасителя; при этомъ по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ ведетъ нарочитую рѣчь о современномъ проповѣдничествѣ, далеко уклонившемся отъ евангельскаго идеала. Напр., говоря о „мягкой и мудрой системѣ приспособленія, держась которой Господь Іисусъ Христосъ постепенно велъ разумѣніе учениковъ и

¹⁾ Тамъ же стр. 375.

²⁾ Тамъ же, стр. 383—385.

всего народа къ высшимъ тайнамъ боговѣдѣнія и чистѣйшему представленію предметовъ религіи и нравственности“, онъ сильно осуждаетъ „ту поддѣлку подь вкусъ и мысль слушателей, какую дозволяютъ себѣ иногда фальшивые и несильные учителя, готовые жертвовать цѣлостью истины въ видахъ скорѣйшаго убѣжденія въ какой либо частной относительной истинѣ, и признавать предрасудки и ошибки за истину для возбужденія большаго довѣрія къ себѣ“¹⁾. Огмѣчая отношеніе Іисуса Христа къ св. Писанію, онъ критикуетъ современныхъ проповѣдниковъ, впадающихъ въ разныя крайности при пользованіи библейскими текстами. Онъ говоритъ также объ обличеніяхъ и утѣшеніяхъ въ проповѣдяхъ, объ языкѣ и внѣшнемъ проповѣдническомъ дѣйствованіи

Такимъ обиліемъ руководственныхъ для проповѣдниковъ указаній не отличаются другіе историческіе очерки проф. Пѣвницкаго, но все же каждый изъ нихъ даетъ что-либо важное и интересное въ этомъ отношеніи. Особенно слѣдуетъ отмѣтить два очерка: „Образованіе отцевъ—проповѣдниковъ IV в.“ и „Порядки и обычаи, соблюдавшіеся при сказываніи проповѣдей въ древней церкви“ (III—IV вв.)

Стремленіе В. Ѡ. Пѣвницкаго представить исторію ц. проповѣди такимъ образомъ, чтобы она была учительницей и руководительницей нашей въ дѣлѣ усвѣщѣннѣйшаго проповѣдыванія слова Божія, не должно быть разсматриваемо какъ пріемъ тенденціозный, чуждый научной серьезности. В. Ѡ. Пѣвницкій питалъ высокое уваженіе къ настоящей богословской наукѣ, и его гомилетическія изслѣдованія по исторіи проповѣди отличаются полнымъ безпристрастіемъ и чисто научной объективностью. Наилучшимъ образомъ это драгоценное качество гомилетическихъ работъ его сказалось въ его докторской диссертации: „Св. Григорій Двос-

1) Тамъ, стр. 393. 397.

словъ—его проповѣди и гомилетическіи правила“. Это ученое изслѣдованіе, написанное блестящимъ языкомъ, особенно въ той части, гдѣ оно касается проповѣдей и гомилетики св. отца, не только соперничаетъ съ лучшими иностранными монографіями о томъ же предметѣ, но даже превосходитъ ихъ и глубиною анализа, и силою критической мысли, и основательностью историческихъ сопоставленій, и широкою обобщеній. Автора нельзя упрекнуть въ какомъ-либо неправильномъ освѣщеніи историческихъ фактовъ или въ искусственной группировкѣ ихъ; вездѣ онъ пользуется самыми строгими научными приѣмами. Преклоняясь предъ высокими качествами проповѣдничества св. Григорія В., онъ въ тоже время отмѣчаетъ и слабыя стороны его. Такъ, о нравоученіи св. отца онъ говоритъ, что оно „не имѣетъ широты, соотвѣтственной широтѣ христіанскаго идеала, и не обнимаетъ собою всѣхъ потребностей жизни. Если сравнивать его проповѣдь съ проповѣдью другихъ замѣчательныхъ учителей, напр. Златоуста, Василия В., она окажется проповѣдью одностороннею, не полною, не отвѣчающею своимъ исполненіемъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявлялъ ей самъ Григорій въ своихъ теоретическихъ правилахъ... Въ проповѣди его мало видна мысль о преобразованіи земныхъ отношеній;—она всецѣло обращена къ потребностямъ вѣчнаго спасенія, мпнуя всѣ расчеты земного благоустройства и благополучія. Въ этомъ состоитъ ея недостатокъ и односторонность“¹⁾. В. Ѳ. Пѣвницкій подвергаетъ основательной критикѣ также экзегетическій методъ изъясненія св. Писанія въ проповѣдяхъ св. Григорія, равно какъ и нѣкоторыя особенности его изложенія, имѣвшія большое вліяніе на развитіе западной ц. проповѣди въ средніе вѣка.

И въ другихъ изслѣдованіяхъ по исторіи проповѣди В. Ѳ. Пѣвницкій остается на высотѣ строгихъ научныхъ

¹⁾ Стр. 169—70.

требований. Это обстоятельство придает особенную цѣнность тѣмъ его сужденіямъ о свойствахъ и законахъ церковнаго краснорѣчія, которые извлечены имъ изъ историческихъ данныхъ и которые легли въ основу его гомилетики. Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію его гомилетической системы, мы считаемъ необходимымъ еще коснуться его работъ по исторіи гомилетической науки.

III.

Къ исторіи гомилетики В. Ѡ Шѣвниціи долженъ былъ обратиться для основательнаго ознакомленія съ процессомъ построенія той системы правилъ проповѣдничества, которая такъ мало удовлетворяла и его и все богословски образованное общество, и противъ которой онъ выступилъ уже въ началѣ своего профессорства. „Для гомилетики, говоритъ онъ, историческое обозрѣніе путей, по какимъ шла и развивалась она, болѣе необходимо, чѣмъ для какой-либо другой науки.. На длинномъ пути, пройденномъ исторіею гомилетики, мы встрѣчаемъ большое обиліе научныхъ работъ, посвященныхъ рѣшенію задачи, ей предлежащей.. Здѣсь представляется вниманію множество разнообразныхъ опытовъ изложенія гомилетическихъ правилъ и опредѣленія законовъ проповѣдническаго искусства, а при изученіи ихъ открывается, какъ видоизмѣнялись гомилетическія теоріи, какъ различно понималась задача науки, и какое было различіе во взглядахъ на методы и способы, наиболѣе годные къ достиженію цѣлей, какія должны преслѣдовать гомилетика“ ¹⁾

В. Ѡ Шѣвниціи началъ изученіе исторіи гомилетики съ „первой, самой древней гомилетики“ ²⁾, т. е. съ гомилетики бл. Августина, изложенной послѣднимъ въ 4-й книгѣ „Христіанской науки“. Приемы, которыми пользуется онъ въ

¹⁾ Изъ исторіи Гомилетики, стр. I'.

²⁾ „Труды К. Д. А.“ 1892.

этомъ своемъ очеркѣ, характеризуютъ и дальнѣйшія его работы въ данной области.

Начавъ съ указанія на отношеніе бл. Августина къ классической риторикѣ и на односторонность пониманія имъ существа свѣтскаго краснорѣчія, проф. В. Ө. Пѣвницкій затѣмъ подробно, параграфъ за параграфомъ, передаетъ содержаніе 4-й книги „Христіанской науки“, при этомъ попутно, въ видѣ разныхъ критическихъ замѣчаній, высказываетъ свои сужденія по тѣмъ или другимъ гомилетическимъ вопросамъ. Сужденія эти обнаруживаютъ въ авторѣ глубокой независимый умъ, широкую наблюдательность и выдающийся гомилетическій вкусъ; для читателя совершенно очевидно, что авторъ не имѣетъ никакого желанія связывать свою мысль какою-либо законченною гомилетическою системою или извѣстными авторитетами, хотя при этомъ онъ весьма внимательно отмѣчаетъ у послѣднихъ все, что такъ или иначе можетъ служить къ лучшему уясненію предмета церковнаго краснорѣчія по его существу. Именно это существо и интересуется В. Ө. Пѣвницкаго. Поэтому, не оставляя безъ вниманія ни одной болѣе или менѣе интересной частности, онъ съ особенною обстоятельностью въ своихъ историческихъ разысканіяхъ останавливается на законахъ церковнаго проповѣдничества, основанныхъ на „очевидныхъ, незблемыхъ истинахъ“. Въ названномъ очеркѣ, напр., онъ ведетъ обстоятельную рѣчь о томъ, что составляетъ центр тяжести въ проповѣдническомъ служеніи, и возстаетъ противъ того пониманія бл. Августина, по которому проповѣдь есть простой урокъ, простое разъясненіе дѣла, или сообщеніе свѣдѣній, полезныхъ слушателямъ, и по которому— „чтобы состоялась проповѣдь, такъ понимаемая, нужно только отъ человѣка, выступающаго съ нею, нѣкоторое знаніе, простое, безыскусственное слово, пожалуй, сухое и холодное; но не требуется для этого никакого одушевленія отъ проповѣдника. Если такъ, разсуждаетъ В. Ө. Пѣвницкій, то

проповѣдь перестаетъ быть ораторскимъ произведеніемъ и ставится на ряду со всякимъ дидактическимъ сочиненіемъ, какъ бы ни было оно сухо изложено. Но такъ ли нужно трактовать проповѣдь на самомъ дѣлѣ? Соответствуетъ ли такая проповѣдь идеалу, рисующемуся въ умахъ людей, любящихъ и цѣнящихъ церковное краснорѣчіе? На этотъ вопросъ дается отвѣтъ отрицательный и очень убѣдительно высказывается мнѣніе, что воодушевленіе есть существенный элементъ церковной проповѣди.

Отъ бл. Августина исторія гомилетики ведетъ изслѣдователя къ св. Григорію Великому и его „Пастырскому правилу“; но В. О. Пѣвницкій изслѣдовалъ этотъ трудъ раньше „Христіанской науки“ въ своемъ сочиненіи „Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила“, поэтому дальнѣйшіе его очерки были посвящены гомилетикѣ средневѣковой и новой ¹⁾. Средневѣковыя системы гомилетики и разныя гомилетическія сборники изслѣдованы имъ съ такою обстоятельностью, какой мы не находимъ и у иностранныхъ гомилетовъ, работавшихъ въ этой области, и въ то же время изложены съ такими историко-критическими замѣчаніями, что для насъ становится совершенно понятно, какимъ образомъ схоластика постепенно убила то здоровое, живое пониманіе проповѣдничества, которымъ въ общемъ отличались гомилетическіе взгляды бл. Августина и св. Григорія. Въ средніе вѣка „гомилетика преслѣдовала чисто практическія цѣли и всецѣло хотѣла быть практическимъ руководствомъ для проповѣдниковъ, облегчающимъ ихъ работу, а научныя теоретическіе вопросы мало занимали тогда составителей практическихъ руководствъ по проповѣдничеству“ ²⁾, поэтому-то послѣднія и превратились мало

¹⁾ (редвѣтѣвскія гомилетики, Кіевъ, 1895.

²⁾ Гомилетики въ новое время, послѣ реформаціи Лютера. Кіевъ, 1899, стр. II.

по малу въ собраніе ни къ чему неспригодныхъ правилъ проповѣдничества, убившихъ въ концѣ концовъ живое проповѣдное слово и поставившихъ на его мѣсто сухія, безжизненные схоластическія разсужденія на опредѣленные темы и по опредѣленному образцу.

Реформація внесла живую струю въ область ц. проповѣдничества и гомилетической науки. Подъ вліяніемъ проповѣднической манеры и гомилетическихъ совѣтовъ Лютера появилось стремленіе освободить теорію проповѣдничества отъ схоластики и дать ей болѣе серьезную, научную постановку. Последнее достигнуто было не сразу: потребовались цѣлые вѣка усиленной работы въ данномъ направленіи, пока гомилетика стала вполне научной дисциплиной. При этомъ на развитіе—въ частности—протестантской гомилетики оказали сильное вліяніе многочисленныя колебанія, какія испытало въ своемъ историческомъ раскрытіи протестанство вообще, и то разнообразіе въ пониманіи лютеровыхъ началъ вѣры и жизни церковной, которое привело протестантовъ къ дѣленію на множество толковъ. Исторію гомилетической науки въ новое время, послѣ Лютера и до нашихъ дней, В. О. Пѣвницкій изображаетъ въ сочиненіи: „Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера“ и въ статьяхъ: „Позднѣйшія протестантскія гомилетики“ (Краусса и Бассермана¹⁾) и „Чтенія о проповѣди Брукса“.

Изъ безчисленнымъ гомилетическихъ сочиненій этого обширнаго періода времени онъ выбираетъ для изученія „наиболѣе характерныя и содержательныя, принадлежащія авторитетнымъ мужамъ, выдающіяся изъ другихъ своимъ достоинствомъ и потому имѣвшія болѣе сильное вліяніе на послѣдующихъ дѣятелей въ области гомилетики“²⁾. Читая сужденія его объ этихъ сочиненіяхъ, мы знакомимся съ

¹⁾ Труды К. Д. А. 1886, 1, 1887, 1 2.

²⁾ Тамъ же, стр. III.

тѣмъ, какимъ образомъ выработывалась его собственная теорія проповѣдничества, его взгляды на ц. проповѣдь и законы ц. краснорѣчія. Достоинно примѣчанія, что наиболѣе симпатизируетъ онъ католику Жиберу, протестанту Теремину и реформату Вине.

Жиберъ нравится В. Θ. Пѣвницкому, между прочимъ, своимъ основнымъ взглядомъ на проповѣдниковъ, какъ на ораторовъ. „Какъ было бы хорошо, говорить нашъ гомилетъ, если-бы на церковной кафедрѣ являлись только люди, владѣющіе особенною силою слова... Тогда на надлежащей высотѣ стояли бы исполнители святого долга, поручаемаго служителямъ церкви. А если будутъ выступать учителями народа въ церкви люди заурядные, безъ силы духа, скудные словомъ,—они могутъ уронить святое и высокое дѣло, и пользы никакой не принесутъ народу, порученному ихъ духовному водительство“¹⁾. Въ Тереминѣ В. Θ. Пѣвницкому кажется весьма симпатичной его нравственная точка зрѣнія на краснорѣчіе, по которой краснорѣчіе, какъ дѣятельность практическаго свойства, никакимъ другимъ законамъ не можетъ быть подчинена, какъ только нравственнымъ, и по которой—„только высокій нравственный характеръ можетъ давать человѣку возможность съ достоинствомъ и силою совершать ораторское служеніе“²⁾. Гомилетическіе же взгляды Вине, повидямому, раздѣляются имъ всецѣло, даже въ мелочахъ. Вообще же въ новыхъ западныхъ гомилетикахъ В. Θ. Пѣвницкій особенно подчеркиваетъ сближеніе ими духовнаго краснорѣчія съ ораторскимъ искусствомъ и стремленіе законы послѣдняго примѣнить въ той или другой мѣрѣ къ первому.

Одновременно съ разработкою исторіи гомилетики на западѣ нашъ приснопамятный профессоръ гомилетъ въ своихъ

1) Стр. 212.

2) Стр. 336.

лекціяхъ, оставшихся ненапечатанными, занимался изученіемъ и русскихъ гомилетическихъ руководствъ, такъ что къ составленію своей собственной системы гомилетики, изданной только въ концѣ его профессорской дѣятельности, подъ заглавіемъ: „Церковное краснорѣчіе и его основные законы“¹⁾, онъ приступилъ, такъ сказать, во всеоружіи гомилетическаго знанія.

IV.

Гомилетическая система В. Ф. Пѣвницкаго отличается необыкновенной простотою своей логической конструкціи. Все что могло бы отзываться схоластическою риторикою, исключено изъ нея, и наоборотъ—все необходимое для уясненія существа церковнаго проповѣдничества, нашло въ ней свое мѣсто. Основными вопросами гомилетической теоріи В. Ф. Пѣвницкій считаетъ вопросы о томъ, что такое церковная проповѣдь по своей внутренней идеѣ, что составляетъ ея содержаніе, какимъ характеромъ она должна отличаться и какіе существуютъ методы проповѣдничества. Соответственно этимъ вопросамъ онъ весь гомилетическій матеріалъ распредѣляетъ по четыремъ отдѣламъ: 1) церковное краснорѣчіе и его основные законы, 2) о содержаніи проповѣдей, 3) о характерѣ проповѣдей и 4) о приготовленіи проповѣдей.

Первый отдѣлъ В. Ф. Пѣвницкій начинаетъ съ опредѣленія понятія о проповѣди, п. ч., какъ справедливо онъ замѣчаетъ, „отъ установленія такого или иного понятія о проповѣди зависитъ дальнѣйшее развитіе гомилетическихъ правилъ“²⁾. Что же такое церковная проповѣдь?—„Проповѣдь есть возвышеніе евангельскаго ученія о нашемъ спа-

¹⁾ Мы будемъ цитовать *второе* изд. (СПБ., 1906).

²⁾ Стр. 7.

сеніи въ живой рѣчи предъ народомъ" ¹⁾). Въ этомъ опредѣленіи устанавливается наличность въ церковной проповѣди двухъ сторонъ--стороны ораторской, по которой проповѣдь есть *живая рѣчь къ народу*, и стороны церковнорелигіозной, по которой она является *выполненіемъ религіозно-церковнаго служенія*. Чтобы болѣе отчетливо выяснить существо церковной проповѣди, какъ особаго вида ораторства, В. О. Пѣвницкій подробно говоритъ о краснорѣчій вообще и отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія характерныя черты: внутреннее одушевленіе оратора, публичность или общественный характеръ его рѣчи, общественный интерес ея содержанія и опредѣленность ея цѣли, состоящей въ добромъ воздѣйствіи на волю слушателей. Значеніе „самаго важнаго условія усишнаго ораторства“ онъ признаетъ за первою изъ этихъ чертъ. По словамъ его, „высшую силу даетъ оратору напряженіе воли или всей души его, которое проявляется въ одушевленіи, въ паосѣ... Если выступаешь ораторствовать, говори по ораторски,—отъ сердца и съ одушевленіемъ. А нѣтъ одушевленія, не выливается слово почувствованное, согрѣтое теплотою сердечною,—не являйся на каедрѣ и не имѣй притязаніе на титуло оратора“ ²⁾). Одушевленіе составляетъ существо и проповѣди церковной, насколько она есть рѣчь къ народу. Важность предмета и святость цѣли проповѣди только приближаютъ ее къ ораторской рѣчи, одушевленіе же проповѣдника, необходимо сопровождающееся подъемомъ и направленіемъ воли слушателя къ добру, дѣлаютъ ее видомъ настоящаго ораторства. „Проповѣдникъ-ораторъ, говоритъ В. О. Пѣвницкій, беретъ (истину христіанскую) изъ мертвой книги, *оживляетъ ее своимъ дыханіемъ и даетъ ей движеніе*, и она, направляемая, находитъ путь къ сердцамъ слушателей и дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ

¹⁾ Стрн. 10.

²⁾ Стрн. 22. 29.

быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе проповѣдникъ вноситъ своей душевной силы и энергіи на оживленіе истины, служащей предметомъ его словъ“¹⁾.

Этотъ взглядъ В. О. Пѣвницкаго на ц. проповѣдь, какъ на ораторское произведеніе, конечно, справедливъ въ томъ смыслѣ, что рѣчь, обращенная къ народу и касающаяся его насущнѣйшихъ потребностей, не можетъ не быть причастной ораторству въ большей или меньшей степени; ораторскій моментъ въ ней необходимо мыслится, какъ и во всякой рѣчи человѣческой вообще, произносимой съ опредѣленнымъ намѣреніемъ, для достиженія опредѣленной цѣли²⁾. Но намъ кажется, что В. О. Пѣвницкій нѣсколько излишне подчеркиваетъ необходимость присутствія въ ц. проповѣди ораторскаго паюоса одушевленія; черезъ это онъ какъ бы унижаетъ учительный видъ ц. проповѣди, изначальный въ христіанской церкви. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу проф. М. Тарѣевъ: „высоко цѣни въ человѣкѣ настроеніе и дѣло— проявленія чувства и воли, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ отъ человѣка и познанія истины. Христіанинъ долженъ быть воспитанъ въ правилахъ, которыми опредѣляется направленіе его воли и чувства; но кромѣ и прежде того онъ долженъ быть наученъ христіанскому міропониманію. Вѣра принадлежитъ сердцу, но начинается въ умѣ“³⁾. Значитъ, проповѣдь, призванная прежде всего насаждать и укрѣплять въ душахъ людей вѣру (Рим. 10, 17), можетъ имѣть своимъ содержаніемъ предметы, изложеніе которыхъ

¹⁾ Стр. 40.

²⁾ Ср. Longaye. La prédication, Paris, 1897, p. 498 l'orateur n'est autre chose que l'homme entré en possession de lui-même, l'homme sachant déployer et gouverner les puissances communes a toute créature humaine venant en ce monde.

³⁾ По вопросамъ гомилетики, 1903, стр. 129. Ср. Hoyt, The preacher New-York, 1909, p. 312,

требует спокойной сосредоточенной рѣчи болѣе, чѣмъ ораторскаго одушевления

Признавая церковную проповѣдь видомъ ораторскаго искусства, В. О. Пивницкій въ то же время считаетъ ее „исполненіемъ церковно-религознаго служенія“. Это служеніе, по словамъ его состоитъ въ „продолженіи того благовѣстія, которое во время земной жизни своей Господь Іисусъ Христосъ сообщалъ людямъ, ждавшимъ избавленія, приглашая ихъ вступитъ на путь спасенія и указывая условия и средства къ этому“¹⁾ А такъ какъ на дѣло благовѣстія Іисусомъ Христомъ были избраны и посланы апостолы, которые въ свою очередь передали свое высокое служеніе пастырямъ и учителямъ церкви, а Церковь впоследствии возложила его на епископовъ и пресвитеровъ, то само собою понятно (хотя проф. В. О. Пивницкій и воздерживается отъ рѣшительнаго объ этомъ сужденія), что и проповѣдничество есть одна изъ функций именно пастырскаго служенія. Только пастырями церкви въ полной мѣрѣ могутъ быть выполнены тѣ требованія, какия предъявляетъ нашъ профессоръ къ проповѣдникамъ.

Для достойнаго несенія проповѣдническаго служенія отъ проповѣдника прежде всего требуется совершенное знаніе св. Писанія и твореній отцовъ и учителей церкви, съ одной стороны, и „проникновеніе души проповѣдника словомъ Божиимъ“²⁾, одушевленіе истинною Божіею, огненная ревность объ исполненіи служенія божественному слову—съ другой: безъ этого послѣдняго условия не можетъ быть никакого успѣха въ дѣлѣ проповѣдничества. Другое требованіе, предъявляемое къ проповѣднику, есть любовь къ народу, которому возвѣщается слово спасенія, „сердечное сочувствіе ему, ясное по вниманію его нравственно-религозныхъ нуждъ и всецѣлѣд

¹⁾ стр. 42

преданность интересамъ своихъ братій, побуждающая проповѣдника сдѣлать все для ихъ просвѣщенія, спасенія и нравственнаго совершенствованія въ богоугодной жизни“¹⁾. Очевидно, это такія качества, которыя предполагаются лишь въ пастырѣ церкви; но въ такомъ случаѣ можно ли отъ послѣдняго требовать еще ораторскаго искусства? и не означаетъ ли такое требованіе исключеніе изъ числа проповѣдниковъ тѣхъ пастырей церкви, которые имѣютъ всѣ данныя для служенія слову, но не обладаютъ ораторскимъ талантомъ?—В. Θ. Пѣвницкій настаиваетъ и на этомъ требованіи, но ораторство понимаетъ лишь въ смыслѣ „внутренней силы духа, дающей слову живость и энергію“, въ смыслѣ „религіознаго одушевленія“²⁾, безъ котораго дѣйствительно никакъ невозможно обойтись на церковной кафедрѣ. „Намъ замѣчали, говоритъ нашъ профессоръ-гомилетъ, что устрашаетъ многихъ требованіе религіознаго возбужденія или одушевленія, какое мы предъявляемъ къ проповѣдникамъ слова Божія. Но намъ кажется, это одушевленіе само собою должно возникать въ душѣ того, кто носитъ въ сердцѣ живую вѣру и благовѣсть предъ святынею Евангелія, и кому близко и дорого спасеніе братій, особенно когда его долгъ или собственное чувство призываютъ возвѣщать слово спасенія людямъ, уклоняющимся отъ прямого пути своего на путь погибельный“³⁾.

Второй отдѣлъ „Церковнаго краснорѣчія“ посвященъ вопросу о содержаніи проповѣдей. В. Θ. Пѣвницкій признаетъ по существу неправильнымъ приемъ рѣшенія этого важнѣйшаго гомилетическаго вопроса, принятый Я. К. Амфитеатровымъ и состоящій въ подробномъ перечисленіи матерій проповѣдническаго слова. Онъ считаетъ необхо-

¹⁾ стл. н. 71.

²⁾ стрн. 77.

³⁾ стрн. 83—4.

дямымъ лишь установить принципъ, съ точки зрѣнія котораго каждый проповѣдникъ могъ бы рѣшать самостоятельно и вполне свободно, о чемъ ему слѣдуетъ проповѣдывать въ томъ или другомъ случаѣ. Принципъ этотъ, по его мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ. „Средоточный пунктъ въ ученіи о домостроительствѣ нашего спасенія—Иисусъ Христосъ, за насъ распятый, Котораго проповѣдникъ ни на минуту не долженъ опускать изъ вниманія. Отъ этого пункта, какъ радіусы отъ центра, должны расходиться до далекой окружности многообразныя сочетанія разныхъ представленій, вызываемыя нуждами слушателей и потребностями времени. Предъ взоромъ проповѣдника, внимательнаго къ своему долгу, великая сокровищница. Бери изъ нея, что хочешь, и только умѣй выбирать то, что наиболѣе необходимо и полезно для того круга слушателей, къ которому онъ обращается съ своимъ словомъ. Ему не исчерпать всего богатаго содержанія, какое заключается въ этой сокровищницѣ. Но все, что бы ни говорилъ проповѣдникъ, должно имѣть большую или меньшую связь съ словомъ крестнымъ“ 1). Совершенно справедливо и въ полномъ согласіи съ исторіей проповѣди указать здѣсь высшій предметъ нашего проповѣднаго слова—Иисусъ Христосъ, Который есть Алфа и Омега, начало и конецъ нашей вѣры и жизни христіанской. Держать на церковной каедрѣ предъ своимъ умственнымъ взоромъ божественный ликъ Спасителя нашего, постоянно сообразовать свою рѣчь съ Его ученіемъ и дѣлами и все направлять къ славѣ Его имени и Его царства—дѣйствительно значитъ владѣть неисчерпаемой сокровищницей проповѣдническихъ матерій и, безъ боязни повредить идеѣ проповѣдническаго служенія, быть въ состояніи трактовать въ проповѣдяхъ всякіе предметы. Но одного этого указанія на то, что составляетъ содержаніе ц. проповѣди *κατ' ἐξοχήν*, недо-

1) Стр. 96.

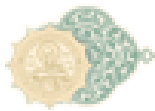
статочно для полнаго рѣшенія вопроса, обсуждаемаго въ разбираемомъ отдѣлѣ. Посему В. О. Пѣвницкій къ сказанному присоединяетъ обстоятельную рѣчь объ „источникахъ, изъ которыхъ проповѣдникъ можетъ по терпѣть содержаніе для своихъ поученій“, и о тѣхъ исходныхъ точкахъ при построеніи проповѣдей, отъ которыхъ происходятъ различныя виды послѣднихъ: омилія, слово, катихизическое поученіе, публицистическая проповѣдь. Рѣчь эта, основанная на сужденіяхъ авторитетныхъ мужей древняго и новаго времени, весьма ясно, но въ то же время безъ излишнихъ подробностей рѣшаетъ вопросы о гомилетической методѣ изъясненія свящ. писанія, объ отношеніи проповѣдника къ идеѣ церковнаго года и къ огласительному ученію церкви, о публицистическихъ темахъ для проповѣдей. Многолѣтнія размышленія В. О. Пѣвницкаго надъ гомилетическими матеріалами, богатый личный его опытъ проповѣдническій и глубоко развитый его гомилетическій вкусъ придаютъ высказываемымъ имъ сужденіемъ такую высокую цѣнность, что съ ними невозможно не считаться какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Для примѣра мы укажемъ на его отношеніе къ публицистическимъ словамъ. Допуская послѣднія и даже рекомендуя обязательное веденіе ихъ въ большихъ городахъ, какъ центрахъ разныхъ умственныхъ движеній, онъ ставитъ вопросъ—какъ же вести публицистическую проповѣдь и даетъ на него отвѣтъ, весьма ясно освѣщающій недомыслия, какія могутъ здѣсь возникнуть. Мысль о приспособленіи христіанства къ запросамъ времени, о примиреніи его съ современностью, увлекающая въ которыхъ проповѣдниковъ—публицистовъ и рождающая много гомилетическихъ коллизій, отвергается имъ рѣшительно и всецѣло. „Нельзя допускать ни малѣйшаго измѣненія началъ вѣры Христовой, говоритъ онъ: нельзя дѣлать никакой уступки въ виду ходячихъ заблужденій времени, никакого послабленія строгихъ требованій евангельскаго закона, въ виду по-

низившейся нравственности и нежеланія подчиняться имъ со стороны разслабленной воли... Для проповѣдника начертанъ неизмѣнный чистый идеалъ въ Евангеліи, и онъ ни на одну іоту не можетъ отступить отъ него и что-либо измѣнить или ослабить въ немъ. Выдумывать какое-либо новое христіанство, менѣе строгое, болѣе угодливое нашей плоти,—дѣло еретиковъ и отступниковъ“¹⁾. Конечно, мы бы желали видѣть у нашего профессора—гомилета разъясненіе этого принципиальнаго положенія посредствомъ историческихъ и современныхъ образцовъ публицистическаго проповѣдничества²⁾, но и отсутствіе у него этихъ образцовъ не колеблетъ его сильной и вѣрной мысли.

Въ третьемъ отдѣлѣ „Церковнаго краснорѣчія“ В. Ф. Пѣвницкій говоритъ о характерѣ церковной проповѣди. Основными чертами истинной проповѣди онъ считаетъ ея церковно-библейскій духъ и популярность. Въ чемъ состоитъ церковно-библейскій духъ проповѣди?—„Благочестивымъ слухомъ слушателя тотчасъ же ощущается присутствіе или отсутствіе церковно-библейскаго духа въ словѣ, ему предлагаемомъ. Но логически выяснить черты его—вещь чрезвычайно трудная. Духъ невидимъ и неосязаемъ“³⁾. Видимымъ проявленіемъ его въ словѣ служатъ частое обращеніе къ св. Писанію и благоговѣніе предъ словомъ библейскимъ, какъ словомъ Божиимъ. Популярность же проповѣди есть ея доступность и удобопріемлемость для народа. Согласно требованію популярности, проповѣдникъ долженъ выбирать для церковной каюдры предметы, соответствующіе его нуждамъ и состоянію умственному и религіозно-нравственному; предметы эти должны раскрываться посредствомъ не отвлеченныхъ разсужденій, а живыхъ образцовъ, описаній, изображеній тѣхъ состояній, въ какихъ проявляется въ жизни то или другое

¹⁾ Стр. 164. 168.

²⁾ Стр. 183.

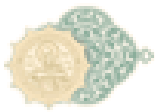

правило или понятіе; въ отношеніи языка должно заботиться о полной ясности и прозрачности рѣчи.

Четвертый отдѣлъ гомилетической системы В. О. Пѣвницкаго занимается вопросомъ о приготовленіи проповѣдей. Здѣсь предлагается рядъ совѣтовъ, относительно того, какъ готовить проповѣди, какъ произносить ихъ, какъ держать себя на церковной кафедрѣ—совѣтовъ глубоко-продуманныхъ и основанныхъ на изученіи проповѣднической методологіи лучшихъ гомилетовъ древняго и новаго времени.

Таково содержаніе сочиненія В. О. Пѣвницкаго: „Церковное краснорѣчіе и его основныя законы“.

Легко видѣть, что гомилетическая система почившаго профессора нашего дѣйствительно обнимаетъ всѣ существенныя вопросы церковнаго проповѣдничества и даетъ имъ рѣшеніе вполне согласное какъ съ основной идеей ц. проповѣди, такъ и съ исторіей гомилетической науки. Принявшись за составленіе своей системы лишь послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія этой исторіи, В. О. Пѣвницкій вполне естественно долженъ былъ испытать на себѣ нѣкоторое вліяніе своихъ знаменитыхъ предшественниковъ въ данной области. Вліяніе это ослзательно даетъ себя чувствовать при чтеніи послѣдняго его труда, столь богатаго превосходными выдержками изъ гомилетическихъ сочиненій авторитетнѣйшихъ мужей. Но, конечно, обращеніе В. О. Пѣвницкаго къ авторитетамъ при изложеніи имъ своихъ собственныхъ мыслей не есть признакъ нетвердости этихъ мыслей или ихъ несамостоятельности. Всегда рѣшительный и независимый во всѣхъ своихъ ученыхъ работахъ, онъ такъ и остается и въ данномъ случаѣ, и если на ряду съ своими сужденіями считаетъ необходимымъ приводить мнѣнія чужія, то дѣлаетъ это потому, что съ великимъ уваженіемъ относится къ научнымъ результатамъ, добытымъ нелегкими трудами его предшественниковъ, и къ коллектив-

ному проповѣдническому опыту прошедшихъ вѣковъ. Какъ серьезнѣйшій историкъ церковнаго проповѣдничества, онъ хорошо понимаетъ, что теорію этого проповѣдничества нельзя создавать путемъ однихъ отвлеченныхъ теоретическихъ разсужденій, что историческая дѣйствительность часто возстаетъ противъ самыхъ безукоризненныхъ логическихъ построеній и указываетъ иной путь для теоретизаціи проповѣдническаго дѣла. В. Θ. Пѣвницкій, такимъ образомъ, остался вѣрнымъ исторической методѣ изслѣдованія гомилетическихъ проблемъ и въ послѣднемъ своемъ трудѣ, составляющемъ достойный вѣнецъ его драгоценнѣйшихъ гомилетическихъ работъ.

Мы не сомнѣваемся, что въ скоромъ времени эти работы В. Θ. Пѣвницкаго сдѣлаются предметомъ болѣе обстоятельнаго и болѣе глубокаго обслѣдованія, чѣмъ какая предложена здѣсь, что они будутъ поставлены въ органическую связь съ его пасторологическихми, проповѣдническими и публицистическими сочиненіями, и тогда свѣтлый образъ знаменитаго нашего гомилета предстанетъ предъ современнымъ поколѣніемъ его учениковъ и почитателей еще въ болѣе яркомъ видѣ.

Сваш Н. Гроссу.